

**ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР КАК ДИАГНОСТ XXI ВЕКА
(на примере работы «Годы решения»)**

Обстоятельства появления книги

В 1930 г. в Гамбурге известный немецкий философ, автор философского бестселлера «Закат Европы» Освальд Арнольд Готтфрид Шпенглер сделал, как всегда, очень интересный доклад под названием «Германия в опасности». В 1932 г. текст доклада был переработан и подготовлен для печати в виде монографии. Работа начала печататься в начале 1933 г. и к 30 января была готова до 106-й страницы. Произошедшие известные события заставили автора изменить название: «Германия в опасности» звучало бы странно и подозрительно для новой власти. Поэтому было избрано новое название «Годы решения. Германия и всемирно-историческое развитие»¹.

Книга появилась в продаже в августе 1933 г. В предисловии говорилось о «сверхличностной» мощи переворота 1933 г., о его прусском характере, о фундаментальном воздействии на массовое сознание. Это была не только констатация исторического события, но и личная позиция философа, который ненавидел с первых дней «грязную» революцию 1918 г. Его стиль приобрел черты патетики, граничащей с поэзией героизма: «Немецкие мечтатели поднялись спокойно, с импонирующей очевидностью, и открыли будущему дорогу»². Но, странное дело, тут же последовал пассаж, снижавший предыдущий пафос: все содействовавшие перевороту должны понять, что «настоящего» противника не было, и потому данное событие нельзя считать победой. Это скорее обещание будущих побед, задача, полная опасностей, масштабы которой не осознаны.

---

* *Вершинин Сергей Евгеньевич* – главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук.

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. Muenchen, 1933. Deutscher Taschenbuch Verlag. 1961.*

² Там же. По нашему мнению, здесь Шпенглер изменяет своей методологии. Как он сам указывает далее, значение исторического события становится ясным только по прошествии значительного времени, а здесь буквально сразу же дается столь высокая и категорическая оценка происшедшему.

Нельзя праздновать триумф с таким воодушевлением. Его лучше сэкономить для будущих, реальных успехов¹.

Подобные словесные экзерсисы поначалу оказали свое воздействие: книга была хорошо принята нацистами. Однако вскоре хитрость была раскрыта: при всей похвале перевороту 1933 г. Шпенглер умудрился ни разу не упомянуть имя Гитлера, хотя воздал должное Муссолини. Книга подверглась жесткой критике, а имя автора перестали упоминать в периодической прессе Германии. Зато тут же эта книга вышла в свет в США, Франции, Англии и Италии. Успех работы объяснялся множеством диагнозов, поставленных Шпенглером европейской и шире – западной – цивилизации, а также его «алармистскими» предсказаниями. Некоторые из сюжетов оказались настолько актуальными для начала XXI в., что на них следует подробно остановиться.

Методология исследования

Первоначальная форма доклада, а стало быть, прямое обращение к публике, заставляло Шпенглера формулировать многие тезисы в очень эмоциональной (по сравнению, например, с «Закатом Европы») форме и это чувствуется в окончательном варианте книги. Тем не менее, он старается воздерживаться от оценочных суждений, вводя некоторые важные методологические ограничения.

Прежде всего, Шпенглер настаивает на необходимости серьезной исторической дистанции – действительная оценка события возможна только тогда, когда оно стало «далеким прошлым». В этом аспекте о Наполеоне стало возможным адекватно судить только в конце XIX в., а о Бисмарке до сих пор (т.е. в 1933 г.) нельзя сказать ничего окончательного. Более того, нельзя доверять никаким участникам крупных исторических событий – только когда они умрут, тогда и сформируется адекватное суждение об этих событиях.

Но кто и как будет формировать это суждение? Здесь Шпенглер впадает в холистскую анонимность – «сама история вынесет приговор»². Эта познавательная холистская установка обнаружива-

---

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 18.*

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 17.*

ется и в трактовке логики исторического процесса. Во-первых, существует параллелизм развития человека и общества. При этом примат остается на стороне общества, целого, а отдельный человек лишь следует его ходу. Во-вторых, ход истории противоречит этике индивидуальной жизнедеятельности, так как логика судьбы не интересуется желаниями людей. История безжалостна к отдельному человеку – величие истории и счастье индивида не совпадают¹. Более того, Шпенглер делает крайне пессимистический вывод: никто из живущих сегодня (т.е. в 1933 г. – *С.В.*) в мире людей не будет счастливым. Однако вопрос заключается в другом: смогут ли они пройти свой путь по собственной воле или нет? Мнение философа: человек не должен воспринимать себя сентиментально, ибо это прямой путь к поражению – как теоретическому, так и практическому. Однако жесткая позиция индивида по отношению к себе самому – это условие не столько его действия в истории, сколько адекватного, т.е. трезвого, лишённого иллюзий и сострадания, понимания последней. Скепсис и презрение к человеку – вот необходимые предпосылки глубокого понимания человека и истории.

Провозглашаемый Шпенглером своеобразный «аморализм» теоретической позиции приемлем и сегодня, более того, он особенно важен в периоды кризисного развития общества. Этот аморализм (в виде девиза: «несмотря на...») должен стать, на наш взгляд, сознательной установкой при исследовании самых неприятных, ужасающих целые этносы и регионы исторических событий. Тем самым теоретик – философ, историк, социолог, культуролог – изначально обрекается на непонимание со стороны различных социальных групп и государственных инстанций, следовательно, на мировоззренческую изоляцию и гносеологическое одиночество. Но, видимо, подобное положение социального познания должно быть признано не только нормальным, но и необходимым.

Такая волевая позиция, настаивает далее Шпенглер, должна включать принятие судьбы и тем самым возможность принятия самых пессимистических выводов относительно себя, общества, эпохи, всей человеческой истории. Отсюда становится понятным та решающая роль, которая отводится фактам – «только факты стоят

---

¹ Ibid.

прочно, а суждения колеблются и изменяются»¹. При этом факты формулируются, в частности, на основе проведения аналогий между тенденциями XX в. и далеким прошлым – прежде всего излюбленной Шпенглером римской истории. Тем самым автор вводит прием презентизма, т.е. осовременивания событий прошлого для лучшего понимания происходящего настоящего².

Что касается нормативной модели общества и культуры, которая становится основой для анализа современности, то укажем здесь лишь на некоторые ее признаки. Во-первых, Шпенглер продолжает спенсеровскую позицию органицистского понимания социального, но уже на примере культуры: последняя понимается как растение³. Функционирование общества трактуется также в этом аспекте, но уже с привлечением специфического понятия «крови»: «живое общество непрерывно обновляется через драгоценную кровь, поступающую снизу, извне»⁴. Во-вторых, внутренне культура дифференцирована, и чем она значительнее, тем больше разли-

---

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung ...* С современной точки зрения, разделение факта и интерпретации является устаревшим, так как сам факт также результат и форма интерпретации. Возможное объяснение столь жесткого размежевания заключается в стремлении Шпенглера освободить восприятие мировой истории от разного рода идеологических иллюзий. Возникает своеобразный парадокс: будучи консерватором-пессимистом с точки зрения своих исторических предпочтений, Шпенглер критикует консервативное, т.е. традиционное, не замечающее перемен, понимание мира. Его консерватизм можно назвать аналитическим, историческим, просвещенным.

² Шпенглер постоянно проводит параллели с римской историей, делая последнюю точкой отсчета европейской истории: «С тех пор идет борьба не из-за денег или удовлетворения социальной ненависти, а только лишь за обладание абсолютной властью», «союз между биржей и профсоюзом существовал как раньше, так и сейчас» (*Spengler O. Jahre der Entscheidung ...* S. 92.). На наш взгляд, в геополитических конструкциях данной работы автор гораздо активнее использует примеры из истории Римской империи и гораздо меньше – из истории Древней Греции и Древнего Востока, что было характерно для его предыдущих работ (например «Закат Европы»).

³ Образ растения используется и для социальной критики. Пролетарий (в другом варианте парвеню) – растение на мостовой большого города. *Spengler O. Jahre der Entscheidung ...* S. 95.

⁴ *Ibid.* S. 97.

чий в ней содержится. Эти различия должны приниматься как иерархические и естественные, ибо равные права противоестественны, – в этом Шпенглер убежден, а само равенство вульгарно¹.

В-третьих, признак высокой культуры – длительное владение. Но владение, в частности богатство, это – не только предпосылка, но прежде всего следствие и выражение превосходства, не только благодаря тому способу, каким оно было приобретено, но и благодаря способности воплощать и применять его как элемент подлинной культуры. При этом владение связано не только с высшими слоями, сюда относится и небольшой, хорошо ухоженный крестьянский двор, прилежное ремесло с хорошей репутацией, крошечный сад, демонстрирующий любовь, с которой ухаживают за ним, чистый домик горняка, пара книг или репродукций старого искусства². Подлинное владение есть душа, его нельзя оценивать по денежной стоимости. В-четвертых, согласно Шпенглеру, иметь культуру означает иметь строгие нравы, сформированное целыми поколениями воспитание, понимание жизни. Это последнее конкретизируется через категорию неявного знания – как «пронизывающее общее бытие тысячами невысказанных, лишь изредка осознаваемых обязанностей и соединений»³. Очевидность формы жизни – признак ее силы и высокой культуры. Возникновение критики, скептицизма, исчезновение очевидности как достоверности – признак упадка культуры и общества.

Подобная нормативная модель позволяет Шпенглеру поставить диагноз современной мировой истории, в котором наиболее интересными являются не столько анализ ситуации в Германии, сколько, во-первых, характеристики «белой» и «цветной» революции, во-вторых, оценка ситуации в Советской России и США.

Характеристика общемировой ситуации: «белая» и «цветная» революции

---

¹ Ключевым словом для Ш. здесь является «gemein», которое имеет несколько значений, связь между ними и обыгрывает автор. С одной стороны, это значение «общий», «простой», но с другой стороны, это «низкий, подлый, вульгарный». См., например: *Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München, 1989. S. 539.*

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 106.*

³ *Ibid. S. 95.*

В геополитической ситуации первой трети XX в. Шпенглер выделяет две основные тенденции – близящуюся к завершению «белую» революцию и все более набирающую силу «цветную» революцию. Обе они угрожают европейской цивилизации, и это самый тяжелый кризис в ее истории.

Белая мировая революция началась с середины XVIII в., с эпохи Просвещения, когда критика христианской теологии распространилась на государство, общество, формы хозяйства. Около 1840 г. социально-политическая тенденция, т.е. борьба против аристократов, превратилась в хозяйственно-политическую – борьбу против имущих вообще. Появились профессионально пишущие и ораторствующие демагоги, которые, собственно, и виноваты в возникновении социализма.

Место кризиса европейской цивилизации – большие города, где собираются лишенные корней и земли массы. Шпенглер выстраивает почти апокалиптическую картину смены социальных ценностей: возникает эгоизм вместо инстинкта продолжения рода, дух дня вместо мудрости старых крестьянских родов, чувство мести вместо долга. Развивается нигилизм как ненависть к форме любого рода, к культуре как совокупности форм, т.е. к такту, вкусу, смыслу, красоте, воспитанию, самоконтролю, чести и т.д. Белые народы находятся под властью диктатуры черни, т.е. диктатуры извлекающих из нее пользу профсоюзов и партийных функционеров всех мастей. Хозяйственный руководитель в жизни общества вытеснен партийным вождем.

Шпенглер постоянно подчеркивает, что большевистская революция в России – это не нечто чуждое Европе. Демократия XIX в. уже является большевизмом. Большевизм – это последняя фаза европейской либеральной демократии после 1770 г. и последний триумф политического рационализма, означающего самонадеянное стремление усовершенствовать живую историю с помощью книжных систем и идеалов. То, что существует сейчас в Европе, – это «зарплатный большевизм», а по сути дела, капитализм снизу, поскольку капитализм – это прежде всего не форма хозяйства, а способ видеть вещи с точки зрения их цены, возможности сбыта и по-

требления. Так вводится тезис о мировоззренческом и хозяйственном тождестве социализма и капитализма.

Итог белой революции ужасен, но никто не отваживается увидеть все ее последствия – старые формы государства в развалинах, они заменены бесформенным парламентаризмом, партии обслуживают рабочих как самое привилегированное сословие.

Однако одно из самых катастрофических последствий – то, что белая революция подготовила почву для цветной. Общая мировая ситуация изменилась: уже началась атака всего цветного населения Земли на белых вообще¹. Идет «цветная» революция. Ее носителем является цветной мир, т.е. Китай, Индия, Африка, индейцы и негры в Америке, Япония и Россия, исламские народы и т.д. Ее источник и глубинная суть – ненависть к превосходству группы культурных наций, которое выражается в развитости хозяйственных, политических, военных и духовных форм. Ощущение превосходства начинает исчезать, когда замечают войны и борьбу среди мира белых народов, государств, и тогда появляется презрение. Цветная революция направлена против белых правительств, против власти доллара, против собственной аристократии, против христианства. Она использует преимущества цветного хозяйства в виде «оружия низких зарплат». Не менее важной является и политико-социальная пропаганда. Здесь нельзя не привести характерное для Шпенглера суждение, свидетельствующее об его проницательности: «В Африке христианский миссионер, прежде всего английский методист, который при всей невинности – со своим учением о равенстве всех людей перед богом и грехом богатства – возделывает почву, на которой сеет и жнет большевистский посланец. Кроме того, по его следам и, с гораздо большим успехом, с Севера и Востока, сегодня уже к Замбези (Ньясаленд) подступает исламский миссионер. Там, где вчера стояла христианская школа, завтра встанет хижина-мечеть. Воинственный, мужской дух этой религии понятнее для негра, чем учении о сострадании, только устранившее у него уважение перед белыми; и, прежде всего, подозрителен христианский священник, потому что он представля-

---

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 88.*

ет белый народ господ, против которого с умной решительностью направлена исламская пропаганда, больше политическая, чем догматическая»¹.

Начало цветной революции Шпенглер связывает с поражением России в русско-японской войне 1904–1905 гг., которое явилось своеобразным сигналом для всех цветных народов. Да и первая мировая война – поражение белой расы, а мир 1918 г. – триумф цветного мира, символ того, что этот мир может принимать участие в обсуждении спорных вопросов между белыми государствами: «Европа, а не Германия, проиграла мировую войну, потеряв уважение цветных»². Таким образом, в оценке мировой ситуации, согласно Шпенглеру, следует сместить акценты и рассматривать все события в контексте заканчивающейся белой и начинающейся цветной революций.

«Власть большого стиля»: Советская Россия и США

Рассуждения о России появляются в контексте характеристики так называемой «власти большого стиля», что на современном политическом языке может быть обозначено как сверхдержава. Под такой властью подразумевается государство, имеющее сильную стратегическую позицию на земном шаре. Во главе такого государства стоит руководство, преследующее всемирно-политические цели и обладающее средствами для их достижения: армией, флотом, политическими организациями, кредитами, мощными банковскими или промышленными группами с одинаковыми интересами. По отношению к ним целые страны и народы не что иное, как «провинция». В характеристике такой большой власти есть и психологические моменты: фаустовские нации конца XX в. будут избирательным средством людей с одинаковым чувством жизни, с одинаковым императивом сильной воли, т.е. с сильными инстинктами, включающими превосходство взгляда на действительность, с одним языком³.

---

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 203.*

² *Ibid. S. 196.*

³ *Ibid. S. 74.*

Историко-географические предпочтения Шпенглера располагаются следующим образом. Западная Европа не потеряла своего значения, ибо идея фаустовской культуры выросла здесь и здесь она должна одержать свою последнюю победу или погибнуть. Однако власть переместилась в Азию и Америку, прежде всего в Россию и США.

Современное положение в Советской России Шпенглер трактует весьма своеобразно. Прежде всего он отмечает, что если через Петра Первого Россия была «аннексирована» Европой, то после революции 1917 г. (которая явилась воплощением двух – белой и цветной – революций) происходит обратный процесс: «Азия обратно завоевывает Россию»¹. При этом «Азия» понимается как идея, направленная в будущее. Здесь Шпенглер достаточно туманен – он не расшифровывает теоретически понятие «Азия», а лишь намекает на то, что это такая идея, рядом с которой проигрывают религия, народ, язык, раса. Это лишь «новый род жизни, не определимый в словах, сам себя не осознающий, беременный большим ландшафтом, находящийся на пути к рождению»². Поэтому большевизм, с его западноевропейским рационалистическим происхождением, не сможет рассчитать и определить будущее России, как он пытается это сделать в своих партийных программах. В чем же проявляется эта «азиатскость»?

Во-первых, большевистская власть уже не является тем государством, каким была петровская Русь. Она состоит «из правящей орды, называемой коммунистической партией, с главарями и всемогущим ханом и почти в сто раз большей, угнетенной, безоружной массы. От настоящего марксизма здесь осталось очень мало, кроме названий и программ. В действительности существует татарский абсолютизм, подстрекающий и использующий в своих целях весь мир, не обращая внимания на границы»³. В результате, предсказывает Шпенглер, возможно появление нового Чингисхана.

Во-вторых, азиатскостью обладает не только государство, но и сам народ, ибо «подлинный русский в своем чувстве жизни

---

¹ Ibid. S. 76.

² Ibid.

³ *Spengler O. Jahre der Entscheidung ... S. 77.*

остался кочевником, совсем как северный китаец, манчжур и туркмен»¹. Его Родиной является не деревня, а бескрайняя равнина. Такой ландшафт побуждает русских людей – делает Шпенглер весьма сомнительное заключение – к странствованию без цели и без воли. В этом заключается коренное отличие русского от германского чувства жизни – в последнем всегда есть определенная цель, которая должна быть достигнута: «...далекая страна, проблема, бог, власть, слава или богатство»². Различие в чувстве жизни сказывается и на качестве рабочей силы. Шпенглер не верит, что возможно создать в России хозяйство западно-европейского типа без помощи этого самого Запада. Не верит он и в возможность кардинальных перемен в России: даже если когда однажды по причинам властнополитической целесообразности коммунистический принцип падет, то немного изменится. Названия будут другими: административные отрасли хозяйственных организаций будут называться концернами, комиссии – наблюдательными советами, сами коммунисты – владельцами акций(!). В остальном же западно-капиталистическая форма уже давно есть в наличии. Советская Россия будет заменена какой-нибудь другой Россией, а правящая орда, вероятно, вырезана. Но тем самым будет преодолен только большевизм марксистского стиля, а националистически-азиатское вырастет беспрепятственно до гигантских размеров³.

Что касается США, то среди многочисленных характеристик этой страны наиболее интересными являются аналогии с Советской Россией. Кроме сходства по размерам территории, исключая любую успешную атаку противника, подчеркивается «прогрессирующая большевизация» масс, «русский стиль в их мышлении, надеждах и желаниях»⁴. Это проявляется в диктатуре общественного мнения, простирающейся на все то, что в Европе предоставлено воле отдельного человека: флирт и посещение церкви, обувь и косметику, модные танцы и модные романы, на мышление, еду и удовольствия. Все для всех одинаково. Сложился нормированный по

---

¹ Ibid. S. 78.

² Ibid.

³ Ibid. S.79.

⁴ Ibid. S. 172.

телу, одежде и душе тип американца, но прежде всего американки. И тот, кто выступает против, кто отваживается это публично критиковать, подвергается всеобщему презрению в Нью-Йорке так же, как и в Москве.

Обнаруживается далее почти русская форма государственного социализма или государственного капитализма, представленная массой трестов, которые, соответствуя русскому хозяйственному управлению, планомерно нормируют и управляют производством и сбытом. Они являются подлинными хозяевами страны в Советской России и в США. Долларовый империализм, пронизывающий всю Америку до Сантьяго и Буэнос-Айреса, «уподобляется своим включением политической власти в хозяйственные тенденции большевистскому и лозунг последнего: «Азию – азиатам» соответствует в основных чертах воззрению доктрины Монро для Латинской Америки: вся Америка для хозяйственной власти Соединенных Штатов»¹.

США стали ведущим элементом мировой политики, и потому должны учиться действовать государственно-политически. Но, задает Шпенглер вопрос, ставший еще более актуальным в XXI в.: соответствуют ли «янки» этой тяжелой задаче? Нельзя путать рекорды и доллары с душевной силой и глубиной народа. Аргументами становятся следующие положения: в США в последние десятилетия XIX – начала XX в. въехало 15 млн поляков, русских, чехов, балканских славян, восточноевропейских евреев, испанцев и итальянцев. При этом они не растворились в общей массе, а образовали очень плодovitый пролетариат. Кроме того, есть криминальное подполье, очень могущественное – мафия, тайные общества и пр. Наконец, высший слой отличается духовной примитивностью и думает только о деньгах². В результате немецкий философ делает отрицательный вывод: в Соединенных Штатах «нет ни действительного народа, ни действительного государства»³.

Может быть, стоит сегодня продолжить эту линию рассуждений Шпенглера? Может быть, правомерен вопрос о том, не воспроизводит ли развитие США в условиях борьбы с терроризмом некоторые черты советской политической жизни? Тезис о враж-

---

¹ Ibid. S. 87.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung ...* S. 87.

³ Ibid. S. 85.

дебном окружении, чувство изолированности и образ осажденной крепости («бастион» капитализма), необходимость повседневной бдительности, создание министерства безопасности, политизация массового сознания в одном определенном направлении, усиление контроля за передвижениями людей, проверка анкетных данных при поступлении на работу и выдаче виз и т.д. – разве все это не признаки советской политической жизни? Каким образом можно истолковать нарастание подобных признаков – как очередной исторический вариант «псевдоморфоза» (в терминологии Шпенглера) или же как подтверждение основных тезисов «Диалектики Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера? В целом же Шпенглер пессимистически оценивает как настоящее, так и будущее крупных государств в Азии и в Америке: «...ни одна из мировых держав этих дней не столь прочна, что о ней можно определенно сказать, что через 100, 50 лет она еще будет державой и даже вообще будет существовать»¹.

Как можно оценить эти и многие другие прогнозы, содержащиеся в работе Шпенглера в начале XXI в.? Очевидно, что постановка социальных диагнозов и составление политических прогнозов – дело неблагодарное и рискованное, требующее не только эрудиции, но и теоретического мужества. Однако в случае с Шпенглером следует признать: несмотря на то, что многие его предсказания не сбылись или сбылись частично, ему удалось охарактеризовать – пусть в рамках собственной специфической терминологии – некоторые важные тенденции развития современного мира. То, что он сделал в данной работе, вполне может быть отнесено к разряду модных ныне работ по теме глобализации. Кроме того, полный набор консервативной аргументации может представлять интерес для тех, кто захочет глубже понять нарастающую в России начала XXI в. идеологию почвенничества. Шпенглер уже сказал все то, что с пафосом и с высоких трибун будут провозглашать некоторые «русские патриоты» в ближайшее десятилетие.

---

¹ Ibid. S. 75.